

DOI: <https://dx.doi.org/10.18524/2312-6809.2018.27.146421>

УДК 821.161.1–311.3Толстой

**МЕСТО УНИВЕРСАЛИЙ В ФОРМИРОВАНИИ
КОГНИТИВНОГО РАЗРЫВА В РАССКАЗЕ
А. Н. ТОЛСТОГО «ДЕНЬ ПЕТРА»**

Валентина Мусий, д-р филол. наук, проф.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,

ORCID I D — 0000–0002–9641–7753

valentinanew2016@gmail.com

Когнитивный разрыв рассматривается как основа центрального конфликта в рассказе Толстого. Цель исследования — определить роль образов стихий в ментальных кодах противостоящих сторон. Среди основных литературоведческих стратегий — мифопоэтический, имагологический и текстологический методы. Автор статьи опирался также на методiku когнитивной психологии, поскольку в центре его внимания — ментальные структуры, которые регулируют миропонимание и мировосприятие.

Образом Петра в рассказе А. Н. Толстого связаны стихии воды и воздуха (ветра). С народом, который не принимает действий Петра, считая его «чужим», антихристом (перестраивая землю, он нарушает волю Бога) — стихия земли. Обращено внимание на неоднозначность оценки деятельности Петра, в частности — наделенность близких ему стихий символикой движения, жизни. Трагизм конфликта в рассказе объясняется не противоречием стихий, а неспособностью сторон понять друг друга.

Ключевые слова: ментальный код, универсалия, когнитивный разрыв, свое — чужое, А. Н. Толстой.

Написанный в 1918 году рассказ «День Петра» привлекал исследователей творчества А. Н. Толстого преимущественно в связи с историей его работы над романом о петровской эпохе. Изучались факторы, которые вызвали интерес Толстого к Петру I (получение им в подарок книги о пыточных актах петровского времени; переживание событий октябрьского переворота). Безусловно, желание осмыслить векторы происходящего является важной причиной активизации интереса художников к исторической тематике. В то же время представляется целесообразным обратиться к этому рассказу и с точки зрения осмысления А. Н. Толстым особенностей национального характера и тех стихий народной жизни, которые определяют поведение широких масс народа. На наш взгляд, такой подход позволит выявить, пользуясь языком Леонида Карасева, «энергично-смысловое» ядро

произведения, то, что, по сути, спровоцировало А. Н. Толстого на создание рассказа. Исследователь пишет: «Текст рождается не в тот момент, когда автор «находит тему» '...', а когда является исходный смысл — энергичный импульс, позволяющий родиться, оформиться и теме, и стилю, и тону повествования. Энергичная природа исходного смысла и текста оказывает влияние и на сам способ их исследования. На первое место выходит интерес к наиболее «сильным» или «отмеченным» точкам повествования, к его *эмблемам*, то есть к таким местам, которые стали своего рода визитными карточками текста и получили право представлять или замещать его как целое» [4, с. 22–23]. Это, в свою очередь, требует применения к рассказу А. Н. Толстого комплексного подхода и, в частности, обращения к методике когнитивной психологии, направленной на выявление и изучение тех ментальных образований, которые обуславливают и регулируют характер переживания и осмысления событий и отношений. Обозначенные в названии статьи стихии воздуха, воды и земли будут рассмотрены нами как некие универсалии, мировоззренческие коды, определяющие поведение и миропонимание каждой из противоборствующих в рассказе А. Н. Толстого сторон.

Правомерность такого подхода (учитывающего коренные ментальные основы поведения всего коллектива и отдельного человека) представляется возможной, если учесть, что, начиная с 1910-х годов, А. Н. Толстой все чаще и целенаправленнее обращался к славянской мифологии и образам русской народной культуры. Он признается: «...я никак *не могу* найти ряда *моих* символов для нынешнего дня... Древность же окрашена в прекрасные цвета, и легко брать от нее то, что пришлось по душе, по плечу» [цит. по: 5]. Немаловажную роль в укреплении этого интереса к «древности» сыграло его общение с Вяч. Ивановым и А. М. Ремизовым. Под их влиянием, отмечает Н. Гончарова, готовилась новая книга стихов «За синими реками» (1911), образный строй которой проникнут язычески-стихийным мироощущением и стремлением вначале «познать первоосновы» и лишь затем «обратиться к человеку» [5, с. 244].

В качестве таких «первооснов» и будут рассмотрены образы стихий в его рассказе 1918 года. С образом Петра в нем связаны стихии воздуха и воды (ветер, море, морское судно, болото): «Вот так погода! Хороша погода! Морская, крепкая, сквозняк! С удовольствием, раздувая ноздри, вдыхал Петр соленый, сырой ветер, гнавший где-то по

морю торговые, полные товаров суда, многопушечные корабли, выдувавший изо всех закоулков залежалый дух российский» [8, с. 144]. Из простых русских людей с Петром свободно говорит только матрос, управляющий лодкой, которая, как кажется, оживает с приближением царя: «Скуластый матрос, в короткой стеганой куртке и в падающих из-под нее складками широких коричневых штанах, весело взглянул на Петра Алексеича, сунул в карман фарфоровую трубочку и, живо перебирая руками, поднял парус. Тотчас лодка, бессильно до этого качавшаяся, точно напрягла мускулы, накренилась, мачта, заскрипев, согнулась под крепким ветром. Петр снял руку с поручни мостков, положил руль, и лодка скользнула, взлетела на гребень и пошла через Неву. Петр проговорил сквозь зубы: — Ветерок, Степан, а? Осклабясь, матрос прищурился на ветер, сплюнул. — Был норд на рассвете, ободняло, — ишь на норд-вест повернул. — Врешь, норд-вест-вест. На это Степан усмехнулся, качнул головой, но не ответил» [8, с. 149].

Примечательно, что и в написанной Толстым в конце 1928 — начале 1929 года пьесе «На дыбе» (в дальнейшем она была в значительной степени переработана им и названа «Петр Первый») Петр впервые появляется в обстановке дома, а не пыток стрельцов вместе с голландским шкипером и корабельным мастером, «прямо с моря», и восклицает: «Сейчас такой ветер — гораздо можно петь лю-лю...» [7, с. 591].

Описание же воздушной и водной стихий, предвещающее картину жизни народа, напротив, усиливает мотив запустения, неблагополучия: «Сырой ветер гнал сильный туман с моря; шумел поредевший ельник на Васильевских болотах; гнулись высокие сосны, кое-где еще торчавшие по городу; сдувало гнилую солому с изб и клетей, завывало в холодных печных трубах, хлопало дверями: много в то время пусто-ло домов, потому что народ мер до последней степени от язвы, туманов и голода. '.... Строился царский город на краю земли, в болотах, у самой неметчины. Кому он был нужен, для какой муки еще новой надо было обливаться потом и кровью и гибнуть тысячами, — народ не знал» [8, с. 141–142]. Стихиям, которые близки Петру, в рассказе А. Н. Толстого противостоит стихия земли, с которой связан народ. Сам по себе концепт «земля» составляет ядро любой национальной картины мира. В. Г. Зинченко пишет: «Земля на всех европейских языках — а) почва, на которой мы живем; б) почва, обработка которой дает нам продукты питания; в) чья-то собственность — луга, леса,

реки; г) материал, из которого можно построить жилища; д) планета; е) святая земля — Палестина, родина Иисуса Христа» [3, с.152–153]. Однако восточные славяне вкладывали в него не только «натурфилософский» смысл. А. Н. Большакова относит его к числу концептов, «переросших в архетип», когда пишет относительно средневекового «Слова о полку Игореве»: «Земля здесь не только «своя территория»: в такое именование вкладывались важные идеологические смыслы: «родина», «нация» и «народ», «страна» и «государство». '...'. Сопрягаясь с духовным состоянием (покая, согласия, миролюбия), Земля в «Слове о полку Игореве» присутствует как «обжитое, родное пространство и национальный космос» [2].

В рассказе А. Н. Толстого именно в защите земли народ осознает свою значимость: «...избыли, мол, и хозарское иго, и половецкое, и татарское, не раз кровью и боками своими восстанавливали родную землю...» [8, с. 144].

Земля для народа — то, что прочно и существует с «начальных времен», когда Господь, создавая мир, отделил ее от неба (тверди). В противоположность ему царь Петр, читаем в рассказе, «сидя на пустошах и болотах, одной своей страшной волей укреплял государство, *перестраивал* землю» [8, с. 143]. Таким образом, в то время как народ восстанавливает израненную войнами землю, стремясь сохранить ее изначальный облик, Петр меняет замысел Господа, перестраивает его Творение. Показательно, что во время строительства города «на краю земли, в болотах», люди, не понимая, для чего это делается, говорят: «...государь свою землю разорил и выпустишил» [8, с. 142]. В уже упомянутой нами пьесе «На дыбе» Клашников, видя своих зятьев-стрельцов, которых везут на телеге с пыток, восклицает, что Петр, подвергая людей мукам, «переводит русскую землю» [7, с. 582]. Боярин Лопухин, вспоминая прошлое, так представляет будущее: «Быть земле пусто, — все распропадем...» [7, с. 613]. И, наконец, Меньшиков, угрожая собравшемуся в «углу» у церковного притвора народу, кричит: «Упорствовать будете — царь всю землю на дыбу поднимет...» [7, с. 586]. Во всех этих случаях концепт «земля» включает не только место обитания людей, но и самих обитателей, то есть «корень русский», который, по словам попа Фильки в «На дыбе», хочет «извести» [7, с. 580] царь.

В свою очередь, мотив «переустройства» Петром земли на мифопоэтическом уровне задает оппозицию «Господь — антихрист». Об уподоблении народом Петра антихристу идет речь чуть ли не с пер-

вой страницы рассказа: «И народ, хорошо помнивший в Москве его глаза, говорил, что Петр — антихрист, не человек» [8, с. 139–140]. Так же о Петре думают юродивый Варлаам и целовальник Калашников в пьесе «На дыбе»: «огнепыхательный дьявол, враг роду человеческого», Антихрист, пьющий человеческую кровь [7, с. 585]. Еще больше укрепляется народ в таком понимании царя после его возвращения из Голландии, из «чужих» земель. В «На дыбе» Варлаам сообщает: «В Голландии царя нашего подменили. '...' Нашего царя в бочку забили и в море кинули... А этот не царь...» [7, с. 585]. Примечательно, что сам Петр узнает о подобном отношении к себе народа, выйдя, если можно так выразиться, из водной стихии (в ремарке сообщается о том, что появился парус, и далее следуют возмущенные восклицания царя: «Антихрист? Я — антихрист?» [87 с. 613]). И в рассказе «День Петра» строители Петербурга, не принимающие требований Петра I и сравниваемые с «духами земли», вызванными из небытия его волей, считают его ложным царем: «Государя нашего у немцев подменили, а этот не государь, давеча сам видел, — у него лица нет, а лицо у него не человеческое, и он голову дергает и глазами вертит, и его земля не держит, гнется. Беда, беда всей земле русской!» [8, с. 151]. Так возникает оппозиция «свое — чужое». У славян, по словам Т. А. Агапкиной, к этой категории отнесены как «собственно нелюди (демонические существа, предки, животные и др.)» или «люди извне (инородцы, люди иного социального положения и происхождения, путники, отчасти, нищие и т.п.)», так и «внутренне чужие», маргиналы [1, с.15]. Петр в такой системе является чужим для народа и «внешне», и «внутренне». Внешне потому, что он прибыл из Европы, где, как считает народ, его подменили. Внутренне — поскольку он даже не пытается приспособиться к миропониманию народа, добровольно принимает на себя статус «чужого». Комментируя эту сторону традиционной культуры, Т. А. Агапкина пишет: «Вполне естественно, что человек, по собственной воле игнорирующий или отвергающий принятые правила ритуализованного поведения, также выводит себя на периферию социума и провоцирует восприятие себя как «чужого» (врага etc.)» [1, с.16].

Мотив сатанинского задан в образе Петра не только на субъектном уровне (отношение к Петру народа), но и на объектном — в описаниях учреждаемых царем порядков. К примеру, в картине асамблеи как пьяного дикого хаоса.

Другой смысл связи царя Петра с воздушной и водной стихиями обусловлен авторским пониманием исторических сдвигов как неизбежных. Кроме прямого значения воздушной и водной стихий (море для Петра — путь к другим странам, а болото — местность, на которой строится новый город), возможно метафорическое прочтение их смысла. Это стихии движения, перемен. Леонид Карасев пишет следующее о семантике водной стихии: «Этим свойством вода реально, а не условно напоминает живое существо, живое движение, выделяясь среди других обычных, то есть «неподвижных», веществ» [4, с. 141]. Петр, с которым в рассказе связывается «великий сквозняк», устремлен к переменам. Противостоящая ему Русь («смирные мужики») — консервативна, патриархальна. Сообщая о том, что «окно» в Европу было все же прорублено, и свежий ветер ворвался в ветхие терема, повествователь задает позитивную оценку результата деятельности Петра, хотя и не отменяет трагического характера его противостояния с русским народом, а также того, что направленность этой деятельности была обусловлена желанием подчиниться «чужому» инонациональному: «Что была Россия ему, царю, хозяину, загоревшемуся досадой и ревностью: как это — двор его и скот, батраки и все хозяйство хуже, гуще соседского? С перекошенным от гнева и нетерпения лицом прискакал хорзьян из Голландии в Москву, в старый, ленивый, православный город...» [8, с. 143].

Если с точки зрения Петра сопротивление ему Руси — проявление ее косности («Разъярилась царская душа на такую непробудность, и полетели стрелецкие головы» [8, с. 144]), то для народа его действия — придание земле «чужого облика» («...не можем голландцами быть, смилуйся...» [8, с. 144]). Следовательно, суть не в антагонизме стихий. Это особенно отчетливо следует из пьесы «На дыбе», которая заканчивается картиной наводнения в Петербурге. Сначала Петр со страхом признает «погибельность» «веста» в десять баллов, а затем с ужасом наблюдает за тем, как вода уничтожает созданный им флот, как по улицам плывут дома, леса, животные, люди, и понимает, что «гибнет Питербурх». Суть происходящего точнее всего определяет явившийся к Петру Апраксин: «Море на нас поднялось» [7, с. 652]. Так, начавшись противостоянием Петра и поднятой им «на дыбы» России, пьеса Толстого заканчивается картиной вселенской катастрофы, своего рода восстания стихий против всего, что было создано Петром. В рассказе «День Петра» царь, хотя и уходит во тьму

(закончился очередной день его битвы с Россией), о его поражении не идет речь. А стихии воздуха и воды, с одной стороны, и земли, с другой, разведены в связи с тем, что представляют непримиримые стороны конфликта. Петр I как человек эпохи Просвещения вступает в противоборство с народом, сохраняющим мифопоэтическое (символическое, традиционалистское) миропонимание. И ни одна из сторон не пытается учесть аргументы другой. В таком случае когнитивный разрыв мотивируется в антропологическом ключе, поскольку в его основе — различные модальности, установки противостоящих сторон. Особенно отчетливо это отсутствие понимания проявляется в эпизоде ночной встречи Петра и староверца Варлаама. Обращаясь к мученику, изуродованному пытками, но по-прежнему видящему в нем антихриста, Петр с сожалением признает невозможность для них договориться «до хорошего», а тот в свою очередь, смотрит на Петра как на «обреченного на еще большие муки» «брата» своего [8, с. 163]. Нельзя исключить, что, создавая этот эпизод, А. Н. Толстой опирался на средневековую традицию. А. М. Рындин следующим образом описывает ее: «В повествованиях об убийнии страстотерпца (святого, канонизированного за смерть в подражание страданиям Христа) его убийцы наделены особенными характеристиками, как бы выводящими преступников за пределы человеческого. ...». Совершенное ими оценивается как акт сознательного проявления сатанинской воли, бросающей вызов Богу и миропорядку. Преступление их уподобляется бунту и отпадению дьявола от Творца.

Убийцы страстотерпца — это его близкие. Близость или родство заговорщиков-преступников со святым — едва ли не обязательная особенность страстотерпческих агиографий» [6, с. 161].

Хотя, безусловно, нельзя не признать возможным и иной смысл финала их встречи. Варлаам мог, не примиряясь с действиями Петра, угадать, что тот является не меньшим мучеником, чем те, кого он предаст пыткам и казням. Тем самым А. Н. Толстой усиливал трагизм воссозданной им ситуации.

Выводы. Обращение к образам стихий в рассказе «День Петра» позволяет представить это произведение в контексте рассуждений А. Н. Толстого о сути национальной истории. Что является ядром национального духа? Чему и почему он сопротивляется? Это дух консервативный, сопротивляющийся новому. Не случайно он привязан именно к земле, наиболее неподвижной из стихий, тяжелой, но ум-

ножаючої сили. Оттого он так мучительно воспринимает перемены, видя в них вторжение хаоса. Финал рассказа имеет открытый характер. Возможно, потому, что сам автор в процессе написания рассказа еще не нашел ответ на вопрос о путях выхода из сложившегося противоречия. А потому энергично-смысловым ядром «Дня Петра», как представляется, является именно трагизм противостояния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Агапкина Т. А. Чужой среди своих / Т. А. Агапкина // Миф и культура : Человек — не-человек. — М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1994. — С. 15–18.
2. Большакова А. Ю. Теория архетипа и концептология [Электронный ресурс] / А. Ю. Большакова // Культурологический журнал. — 2012. — № 1 (7). — Режим доступа : http://cg-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9
3. Виктор Георгиевич Зинченко: Научное наследие литературоведа. Воспоминания / научн. ред. В. И. Силантьева. — Одесса : Астропринт, 2017. — 492 с.
4. Карасев Л. В. Онтологическая поэтика (краткий очерк) / Леонид Карасев // Эстетика : Вчера. Сегодня. Всегда. — М.: ИФ РАН, 2005. — Вып. 1. — С. 91–113.
5. Письма А. Н. Толстого к Вяч. Иванову (1911–1912). Публикация Н. Гончаровой // Вопросы литературы. — 1991. — № 6. — С. 243–249.
6. Ранчин А. М. «Дети дьявола»: убийцы страстотерпца / А. М. Ранчин // Миф в культуре: человек — не-человек / ред. Л. А. Софронова, Л. Н. Титова. — М. : Индрик, 2000. — С. 161–168.
7. Толстой А. Н. Полн. собр. соч. : в 15 т. / Алексей Толстой. — М. : ОГИЗ, 1949. — Т. 10. — 712 с.
8. Толстой А. Н. Собр. соч. : в 8 т. / Алексей Толстой; под общ. ред. В. Р. Щербины. — М.: Огонек; Правда, 1972. — Т. 2. — 480 с.

ЗНАЧИМІСТЬ УНІВЕРСАЛІЙ У ФОРМУВАННІ КОГНІТИВНОГО РОЗРИВУ В ОПОВІДАННІ О. М. ТОЛСТОГО «ДЕНЬ ПЕТРА»

Валентина Мусій, д-р філолог. наук, проф.

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,

Образи стихій розглянуто у зв'язку з вивченням когнітивної основи центрального конфлікту. Серед головних літературознавчих стратегій — міфопоетичний, імагологічний та текстологічний методи. Автор статті спирався також на методику когнітивної психології, оскільки в центрі його уваги — ментальні структури, які регулюють світобачення і світосприйняття. З образом Петра в оповіданні О. М. Толстого пов'язані стихії води і повітря (вітру). Найближчою

до народу, який не сприймає дій царя, вважаючи його не тільки «чужим», але й антихристом, є стихія землі. Цар пояснює протидію його планам пасивністю народнього духу, сам же народ виборює свою незалежність від інонаціонального. Звернуто увагу на неоднозначність оцінки діяльності Петра, оскільки образи повітря і води у творі можуть бути інтерпретовані як символи змін, руху і, таким чином, життя. Зрештою трагізм конфлікту в оповіданні викликаний нездатністю сторін дійти порозуміння.

Ключові слова: ментальний код, універсалія, когнітивний розрив, своє - чуже, О. М. Толстой.

THE IMPORTANCE OF UNIVERSALS IN THE FORMATION OF THE COGNITIVE GAP IN THE STORY BY A. N. TOLSTOY «PETER'S DAY»

Valentina Musiy, prof., Dr.Sc (Philology)

Odessa I. I. Mechnikov National University, Ukraine

The study tested the images of the elements (water, land and air) in connection with the solution of the problem of cognitive gap as the basis of the central conflict in the story. The purpose of the article is to designate the universal codes of the nation and Peter the Great. The benefits of such way of investigation are in enabling the transition from the historical, socio-political level of interpretation of this story to the cultural and ontological levels. Among the main literary scholarly strategies in the study are mythopoetic, imagological, and textological. As the attention was focused on mental structures that regulate the world outlook and world perception, the author also relied on the methodology of cognitive psychology.

It is established that with the image of Peter are connected the elements of water and air (wind). With the Russian people, who does not accept the actions of Peter, considering him «alien», — such element as the earth. Rebuilding the land, Peter, as the people believe, Peter violates the will of God, so he is the antichrist.

Attention is drawn to the lack of unambiguous evaluation of Peter in the story. The elements of the air and the water, which are connected with him in the story, are the symbols of change, movement and life. As a result the tragedy of the conflict in the story is explained not by the contradiction of the elements, but by the inability of the parties to understand each other and find ways to consent, overcome the cognitive disjoin. The tragic character of the situation is especially obvious in the last episode of the story. It is the meeting of Peter and of Barlaam, who was tortured at the request of the tsar. Peter acknowledges that they are not able to negotiate, and Barlaam considers him as a martyr, as he himself. In 1918 the author could not imagine the ways to bridge such gap.

Key words: mental code, universal, cognitive gap, one's own — alien, A. N. Tolstoy.

REFERENCES

1. Agapkina T. A. Chuzhoj sredi svoih [a stranger among his own]. In: *Myth and the Culture. A person and not a person*. Moscow, 1994, pp. 15–18. (in Russian)
2. Bol'shakova A. Ju. *Teorija arhetipa i konceptologija* [Archetype theory and conceptology]. Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9
3. Viktor Georgievich Zinchenko: Nauchnoe nasledie literaturoveda. Vospominanija [Viktor Georgievich Zinchenko: The scientific heritage of literary critic. Memories]. Odessa, 2017. (in Russian)
4. Karasev L. V. Ontologicheskaja pojetika (kratkij ocherk) [Ontological poetics (short essay)]. In: *Aesthetics: Yesterday. Today. Always*. Moscow, 2005, iss. 1, pp. 91–113. (in Russian)
5. Pis'ma A. N. Tolstogo k Vjach. Ivanovu (1911–1912). Publikacija N. Goncharovoj [A. N. Tolstoy's letters to Vyash. Ivanov (1911–1912). Published by N. Goncharova]. In: *Voprosy literatury*, 1991, no. 6, pp. 243–249. (in Russian)
6. Ranchin A. M. «Deti d'javola»: ubijcy strastoterpca [Devil's children: the killers of passion-bearer]. In: *Myth in the culture: person — not-person*. Moscow, 2000, pp. 161–168. (in Russian)
7. Tolstoj A. N. *Polnoe sobranie sochinenij* v 15 t, [Full Collection of works. Vols. 1–15]. Moscow, 949. Vols. 10 (in Russian)
8. Tolstoj A. N. *Sobranie sochinenij* v 8 t. [Collection of works. Vols. 1–8]. Moscow, 1972, vol. 2 (in Russian)

Стаття надійшла до редакції 23 вересня 2018 р.